

- [Гилберт Кит Честертон](#)
    - [ПРОЛОГ У ДЕРЕВА](#)
    - [ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНЫМ САКВОЯЖЕМ](#)
    - [ВТОРЖЕНИЕ В САД](#)
    - [ДУОДИАПСИХОЗ](#)
    - [ТАЙНА ДЕРЕВА](#)
    - [ЭПИЛОГ В САДУ](#)
    - [Примечания](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кит Честертон
Честный шарлатан

ПРОЛОГ У ДЕРЕВА

Уолтер Уиндраш, прославленный поэт и художник, жил в Лондоне, и в саду у него росло удивительное дерево. Конечно, сами по себе эти факты не вызвали бы тех странных событий, о которых мы расскажем. Многие сажают в саду и в огороде невиданные растения. Но тут были две особенности: во-первых, Уиндраш считал, что этим деревом должны любоваться толпы со всех концов света; во-вторых, если бы они явились, он бы их не пустил.

Начнем с того, что дерева он не сажал. Тем, кто видел дерево, могло показаться, что он тщетно пытался посадить его или, вернее, тщетно пытался вытащить из земли. Люди холодного, классического склада говорили, что последнее желание много естественней первого. Дело в том, что дерево было совершенно нелепое. Ствол был такой короткий, что казалось, будто ветки растут из корней, или корни — прямо из веток. Корни извивались не в земле, а над землей, и между ними белели просветы, потому что землю вымывал бывший рядом источник. В обхвате же дерево было огромным, словно каракатица, раскинувшая щупальца. Могло показаться, что мощная рука небожителя пытается выдернуть его из земли, как морковку.

Никто не сажал его. Оно выросло само, как трава, как буйные травы прерий. Оно никогда не росло ни в чьем саду. Все выросло вокруг него — и сад, и ограда, и дом. Улица выросла вокруг него и сам пригород. Можно даже сказать, что Лондон вырос вокруг него. Теперь эти кварталы так прочно вписались в город, что всем кажется, будто они всегда были частью столицы; на самом же деле она поглотила их за несколько лет, и не так уж давно диковинное дерево стояло на лугу, открытое всем ветрам.

В неволю — или под опеку — оно попало при следующих обстоятельствах. Много лет тому назад студент Уиндраш шел по большому лугу с двумя знакомыми. Один из них учился в том же колледже, только не искусствам, а медицине. Другой, постарше, был дельцом, и молодые люди собирались поговорить с ним по делу. Дело это — связанное отчасти с полной неделовитостью молодых людей — решили обсудить в трактире «Три павлина», который и находился по ту сторону луга. Старший из путников явно торопился туда — ветер дул все сильнее, день кончался.

Именно тогда их задержала возмутительная выходка Уиндраша. Он шел торопливо, как и все, но вдруг увидел причудливое дерево,

остановился и поднял руки к небу — не только в знак удивления, как француз или итальянец, но и в знак поклонения, как язычник. Его ученый приятель признал, что дерево действительно растет необычно и потому представляет научный интерес, но и без науки ясно, что причиной тому — источник, пробивший себе дорогу сквозь путаницу корней. Из любознательности он даже встал на толстый корень и подтянулся на ветке, но, небрежно бросив, что дерево — полупустое, слез и пошел вперед. Третий путник, делец, нетерпеливо поджидал их. Но Уолтер Уиндраш никак не мог прийти в себя. Он все кружил у дерева, глядя то вниз, на лужицу воды, то вверх, на тяжелое гнездо переплетенных веток.

— Сперва я не понял, что со мной, — сказал он наконец, — теперь понимаю.

— А я — нет, — отрезал второй студент. — Может, вы свихнулись?

Уиндраш помолчал; потом ответил так:

— До сих пор я не видел ничего, что мне хотелось бы назвать своим.

— Вы что, шутите? — возмутился делец. — На что вам эта трухлявая швабра?

Но Уиндраш продолжал, словно и не слышал:

— Я много бродил, но еще не видел места, где я хотел бы осесть и сказать: «Вот мой дом». Нигде на свете нет такого сочетания земли, воды и неба. Это дерево стоит на воде, как Венеция. Свет белеет меж его корней, как в Мильтоновой поэме. Подземный поток подмывает его, а оно встает из вязкой земли, как мертвые на трубный глас. Я никогда не видел такого. И больше ничего не хочу видеть.

Быть может, причуды его воображения отчасти оправдывались тем, что погода резко изменилась и окрасила тайной причуду природы. Неспокойное небо стало из серого багровым, а потом темно-лиловым, и только у горизонта сверкала алая полоска заката. На этом фоне разлапистое дерево казалось сверхъестественным, зловещим, словно допотопное чудище, вылезаящее из топи, чтобы взлететь. Но даже если бы спутники Уиндраша питали большую склонность к таким фантазиям, они бы удивились той решительности, с какой он опустился на кочку и закурил, словно, придя в клуб, усаживался в кресло.

— Разрешите узнать, что вы делаете? — спросил второй студент.

— Вступаю в права владения, — отвечал он.

Они ругали его, пока не поняли, что он вполне серьезен, хотя не вполне разумен. Делец резко сказал, что, если ему приспичило купить эту пустошь, надо обратиться к земельному агенту. К его удивлению, поэт серьезно поблагодарил и записал на листке бумаги фамилию и адрес.

— Вот что, — твердо сказал делец, — тут мы дела не сделаем. Хотите со мной поговорить — идем к «Трем павлинам».

— Не дурите, Уиндраш, — подхватил другой. — Вы что, всю ночь думаете просидеть?

— Да, — сказал Уиндраш. — Я видел, как солнце опускается в этот пруд, и хочу увидеть, как месяц встанет из него.

Делец уже ушел вперед; его темная, плотная спина, дышавшая презрением, исчезла из виду. Медик было задержался, но безрассудная рассудительность последней фразы спугнула и его.

А поэт стал смотреть как зачарованный на лужицы воды, похожие в свете заката на лужи крови. Так просидел он много часов и видел, как они из красных стали черными, а из черных — светлыми. Но когда наутро он встал, его обуяла неожиданная деловитость. Он пошел к земельному агенту; он объяснялся и улаживал дела много месяцев подряд и в конце концов стал законным владельцем двух с небольшим акров земли, включающих его любимое дерево. Тогда он обнес их оградой аккуратно, как золотоискатель, отмечающий вехами границы участка. Он построил коттедж, поселился в нем и прилежно писал стихи. Как обычные люди, он упрочил свою респектабельность женитьбой; но жена умерла, рожая ему дочь. Дочери жилось очень хорошо в этих сельских, но далеко не диких условиях, и отцу тоже жилось неплохо, пока его не настигла беда.

Имя этой беде — город. Лондон как море затопил холмы и луга; и остаток своей жизни Уиндраш посвятил сооружению плотин. Он клялся всеми музами, что отвратительный лабиринт, подступивший к его святилищу, не коснется заветного дерева. Он построил до смешного высокую стену и стал подозревать в дурных намерениях всех, кто хотел попасть в сад. Некоторые опрометчиво считали, что его сад — это сад, а дерево — дерево. Но Уиндраш гордился тем, что его сад — последний приют поэзии и свободы в затопленной прозою Англии. Наконец он запер ворота и положил ключи в карман. Во всем остальном он был и добр, и радушен, особенно с дочерью; но в сад никого не пускал. И ничто не нарушало покоя заветных мест, только хозяин и днем, и ночью одиноко кружил по саду.

ЧЕЛОВЕК С ЧЕРНЫМ САКВОЯЖЕМ

Энид Уиндраш, очень хорошенькая девушка со светлыми волосами и веселым, смелым лицом, отстала от своего спутника, чтобы купить конфет в маленькой кондитерской. Дорога перед ней круто поднималась вверх и уходила обрубленной белой кривой в лежащий за холмом парк. Узкий белый краешек огромного облака выглядывал из-за холма, и, глядя на него, почти можно было поверить, что земля круглая. На фоне синего неба, белой дороги и белого облака встретились два человека. Шли они порознь и абсолютно ни в чем не были похожи. Тем не менее не прошло и секунды, как девушка испуганно бросилась вперед, — перед ней на холме, в ярком солнечном свете, свершалось едва ли не самое странное нападение в мире.

Один из этих людей был высоким, длинноволосым, длиннородым, в широкополой шляпе и широком пиджаке, и шел он широкими шагами по самой середине дороги. Дойдя до гребня, он обернулся и беспечно посмотрел назад. Другой шел как следует, по тротуару, и на вид был гораздо серьезней и скучней, чем первый. Коренастый и незаметный, в аккуратном темном костюме и черном цилиндре, он шагал энергично, но спокойно, держа в руке черный саквояж. Он глядел прямо перед собой и, по-видимому, не интересовался окружающим.

Вдруг он резко свернул, прыгнул на мостовую и стал душить человека в шляпе. Он был ниже своей жертвы, но гораздо моложе, да и прыгнул внезапно и ловко, как черный кот. Высокий отпрянул к другому тротуару и, в свою очередь, кинулся на врага. В эту секунду из-за гребня холма вынырнул автомобиль и скрыл от девушки сцену боя, а когда он проехал, схватка уже перешла в третью стадию. Человек в черном костюме и немного покосившемся цилиндре, крепко сжимая свой саквояж, пытался, по-видимому, прекратить военные действия. Он отступал, размахивая саквояжем, и даже на таком расстоянии было видно, что он не угрожает, а скорее убеждает. Но высокий (он был без шляпы, и волосы его развевались по ветру) явно не шел на мировую. Тогда коротенький отшвырнул саквояж, засучил аккуратные манжеты и быстро, со знанием дела обработал противника. Все это заняло меньше минуты, но девушка уже со всех ног взбегала на холм, а кондитер удивленно глядел ей вслед, и пакетик раскачивался у него на пальце. Надо сказать, что мисс Энид Уиндраш принимала близко к сердцу судьбу бородатого человека, хотя многие сочли бы ее чувства отсталыми. Он приходился ей отцом.

Когда она подбежала к сражающимся — а может, потому, что она подбежала, — дела шли тише, хотя оба еще пыхтели со страстью истинных воинов. Человек в цилиндре при ближайшем рассмотрении оказался молодым и темноволосым; квадратные плечи и квадратный подбородок придавали ему сходство с Наполеоном, но вид у него был самый пристойный, скорее уж сдержанный, чем наглый, и никак не объяснял его дикой выходки

— Ну, знаете! — говорил он, отдуваясь. — Видел я старых ослов, но...

— Этот человек, — надменно воскликнул Уиндраш, — напал на меня посреди дороги без всякой причины!

— Вот именно! — с победоносным ехидством закричал его враг. — Посреди дороги! И он еще говорит — «без причин»!

— Какая же у вас причина? — попыталась вмешаться мисс Уиндраш.

— Та самая, что он шел посреди дороги! — взорвался он. — Идет, видите ли, по современному шоссе и оборачивается полюбоваться пейзажем! Теперь каждый деревенский дурак знает, что шофер не видит его снизу. Если бы я не услышал, что идет машина...

— Машина! — сказал поэт тем сурово-удивленным тоном, каким взрослый увещевает расфантазировавшегося ребенка. — Какая машина? — Он величаво повернулся и оглядел сверху улицу. — Ну, где ваша машина? — язвительно спросил он.

— Судя по скорости, — сказал его враг, — милях в семи отсюда.

Уолтер Уиндраш был истинным джентльменом; к тому же он гордился превосходными манерами. Но надо быть просто ангелом, чтобы сразу примириться с человеком, который только что отдубасил вас, как боксер, и увидеть в том же самом существе, с тем же лицом и голосом, дорогого друга и доброго спасителя. Первые его фразы были несколько натянуты; но дочь вела себя мягче и великодушной. По здравом размышлении она решила, что молодой человек ей скорее нравится, — аккуратность и сдержанность не всегда раздражают женщин, навидавшихся высшей божественной свободы. К тому же не ее схватили за горло посреди шоссе.

Бывшие враги представились друг другу; молодой человек с удивлением узнал, что оскорбил или спас знаменитого поэта, а поэт, — что его обидчик и спаситель начинающий врач, чью медную дощечку он уже видел где-то неподалеку.

— Ну, если вы врач, — опрометчиво пошутил Уиндраш, — вы нанесли урон своим коллегам. Я думал, вы, медики, любите несчастные случаи. Если бы шофер меня недодавил, вы бы меня прикончили ланцетом.

Видимо, этим двоим было суждено говорить друг другу не то, что

нужно. Молодой врач хмуро улыбнулся, и в глазах его сверкнул боевой огонь.

— Мы, врачи, всем помогаем — нам что канава, что дворец. Правда, я не знал, что вы поэт. Я думал, что спасаю обычного, полезного человека.

Надо признать, как ни горько, что по этому принципу строились и дальнейшие их беседы. Отчасти это можно объяснить тем, что каждый из них впервые встретил полную свою противоположность. Уиндраш был поэтом в старом добром духе Уитмена или Шелли. Поэзия была для него синонимом свободы. Он запер дерево в смирном пригородном садике, но только для того, чтобы оно могло расти поистине дико. Он обнес лужайку оградой по той же самой причине, по какой иной раз огораживают часть леса и называют парком. Он любил одиночество, потому что люди мешали ему делать то, что он хочет. Механическая цивилизация обступила его, но он изо всех сил притворялся, что ее нет, — даже, как мы знаем, стоял спиной к машине.

Самые глупые из друзей Джадсона говорили, что он пойдет далеко, потому что верит в себя. Это была клевета. Он верил не только в себя; он верил в вещи, в которые много трудней поверить в современную технику, и в разделение труда, и в авторитет специалистов. А больше всего он верил в свое дело — в свое умение и в свою науку. Он был достаточно прост, чтобы не забывать о своих убеждениях в частной жизни, и излагал их Энид часами, шагая по гостиной, пока хозяин дома кружил по саду и поклонялся дереву. Шаггал он не случайно; тем, кто видел его, бросалась в глаза не только профессиональная аккуратность, доходящая до чопорности, но и неудержимая энергия. Нередко со свойственной ему прямоотой он нападал на поэта и его дурацкое дерево, которое поэт называл образцом животворящих сил природы.

— Нет, какая от него польза? — в отчаянии вопрошал врач. — Зачем оно вам?

— Польза? — переспрашивал хозяин. — Да никакой. В вашем смысле оно абсолютно бесполезно. Но если стихи или картины бесполезны, это не значит, что они не нужны.

— Не путайте! — болезненно морщился Джадсон. — Это не стихи и не картина! Ну, что тут красивого? Трухлявое дерево среди кирпичей. Если вы его срубите, у вас будет место для гаража, и вы сможете посмотреть все леса в Англии.

— Да, — отвечал Уиндраш, — и по всей дороге я увижу не деревья, а бензиновые колонки.

— Надо просто знать, где ехать, — не унимался Джадсон. — И

вообще, кто родился в век автомобилей, не питает к ним такого отвращения, как вы. Я думаю, в этом и заключается разница поколений.

— Прекрасно, — язвительно отвечал поэт. — Вам — автомобили, нам — здравый смысл.

— Вот что, — не выдерживал его собеседник. — Если бы вы приспособились к машинам, мне не пришлось бы вас спасать.

— А если бы не было машин, — спокойно отвечал поэт, некому было бы меня давить.

После этого Джадсон терял терпение и говорил, что Уиндраш не в себе; а потом извинялся перед его дочерью и говорил, что, конечно, поэт — человек другого поколения, но она (тут он становился серьезней) должна бы сочувствовать новым надеждам человечества. Потом он уходил, кипя от досады, и спорил по пути домой с невидимым противником. Он действительно верил в пророчества науки. У него было много своих теорий, и ему не терпелось отдать их миру. Если судить поверхностно, можно сказать, что у него были все недостатки деятельного человека, в том числе — постоянный соблазн честолюбия. Но в глубине его сознания неустанно и напряженно работала мысль. И тот, кому удалось бы заглянуть в этот омут, догадался бы, что в один прекрасный час оттуда может вынырнуть чудовище.

В Энид совершенно не было ни омутов, ни сложных мыслей — казалось, она всегда на ярком, дневном свете. Она была здоровая, добродушная, крепкая; любила спорт, играла в теннис, плавала. И все же, может быть, и в ней рождались порой причудливые образы ее отца. Во всяком случае, много позже, когда все уже кончилось и яркий солнечный свет снова сиял для нее, она пыталась иногда разглядеть прошлое сквозь темную бурю тайн и ужасов и думала: так ли уж нелепа старая вера в знамения? Ей казалось, что все было бы проще, если бы она разгадала значение двух темных силуэтов, сразившихся на белом фоне облака; прочитала их, как две живые буквы, которые борются, чтобы составить слово.

ВТОРЖЕНИЕ В САД

По разным причинам, накопившимся в его мятежном сознании, доктор Джадсон набрался смелости и решил посоветоваться с Дуном.

Тот, с кем Джадсон решил посоветоваться, прошел в свое время фазы мистера Дуна, доктора Дуна и профессора Дуна, а теперь достиг высшей славы и звался просто Дуном. Еще не прошло и двадцати лет с тех пор, как Дун опубликовал свой славный труд о параллельных заболеваниях обезьяны и человека и стал самым знаменитым ученым в Англии и одним из первых пяти — в Европе. Джадсон учился у него когда-то и предположил поначалу, что это дает ему небольшое преимущество в бесконечных спорах о Дуне. Но для того, чтобы понять, почему о Дуне спорили, необходимо, подражая Джадсону, еще раз зайти к Уиндрашам.

Когда доктор Джадсон пришел к ним впервые, у них сидел гость, как выяснилось — сосед, заглядывавший к ним очень часто в последнее время. Каковы бы ни были пороки и добродетели доктора Джадсона (а он был человеком разносторонним), терпением он не отличался. По какой-то неясной нам причине он невзлюбил этого соседа. Ему не понравилось, что тот не стрижется и завитки волос торчат у него на висках, словно он отпускает бакенбарды. Ему не понравилось, что тот вежливо улыбается, когда говорят другие. Ему не понравилось, как бесстрастно и смело тот судит об искусстве, науке и спорте, словно все это одинаково важно или одинаково не важно для него. Ему не нравилось, что, критикуя стихи, тот извиняется перед поэтом, а рассуждая о науке — перед ним самим. Ему не очень нравилось, что сосед чуть не на голову выше его ростом; не нравилось и то, что он сутулится, почти сводя на нет эту разницу. Если бы Джадсон разбирался в своей психике так же хорошо, как в чужой, он бы знал, о чем говорят эти симптомы. Только в одном состоянии нас раздражают и пороки, и достоинства ближнего.

Как он понял, соседа звали Уилмот. По-видимому, у него было только одно занятие: вольная игра ума. Он интересовался поэзией, и, может быть, именно это сблизило его с Уиндрашем. К несчастью, он интересовался и наукой — но это ни в коей мере не сблизило его с Джадсоном. Ученые очень не любят, когда им любезно сообщают сведения из их собственной науки, особенно же, если эти сведения они сами рассмотрели и отвергли десять лет назад. Вряд ли нужно объяснять, что Дуна, как и многих других ученых, восхваляли в газетах за мнения, прямо противоположные тем,

которые сам он излагал в лекциях и книгах. Джадсон бывал на его лекциях, Джадсон читал его книги. Но Уилмот читал газеты, и, конечно, это давало ему огромное преимущество в глазах современных интеллектуалов.

Спор начался с того, что поэт рассказал между прочим о своих первых шагах в живописи. Он показал гостям свои старые картины, на которых были изображены симметричные извилистые линии, и сказал, что часто пытался писать обеими руками сразу, причем замечал, что иногда руки рисуют по-разному.

— Новый вариант евангельской притчи, — довольно хмуро заметил Джадсон.

— Левая рука не знает, что делает правая. По-моему, очень опасная штука.

— Мне кажется, — небрежно протянул Уилмот, — ваш Дун это одобрил бы. Ведь наши драгоценные предки пользуются всеми четырьмя конечностями.

Джадсон взорвался.

— Дун занимается мозгом людей и обезьян, — сказал он. — Я не виноват, если у некоторых людей — обезьяньи мозги.

Когда он ушел, Уиндраш осудил его резкость, но Уилмот был невозмутим.

— С ним просто невозможно разговаривать, — негодовал поэт. — Каждый разговор он превращает в спор, а каждый спор — в ссору. Неужели так важно в конце концов, что Дун действительно сказал?

Однако сердитому Джадсону это было очень важно. Быть может, он с болезненным упорством хотел доказать свою правоту — ведь он был из тех, кто не терпит неоконченных споров, быть может, у него были другие причины. Во всяком случае, он ринулся к ученому святилищу или трибуналу, предоставив Уиндрашу сердиться, Уилмоту — брезгливо морщиться, а Энид — огорчаться.

Величественный дом со строгими колоннами и похоронными жалюзи не отпугнул молодого врача; он решительно взбежал по ступеням и нетерпеливо позвонил. Его провели в кабинет, а когда он напомнил о себе, хозяин величаво и благосклонно признал его. Великий Дун — красивый джентльмен с седыми кудрями и орлиным носом — выглядел ненамного старше, чем на портретах. Джадсон быстро выяснил, кто был прав в споре с Уилмотом. Но все время, пока они беседовали, его темные беспокойные глаза обегали кабинет — по-видимому, ему не терпелось узнать последние новости науки. Он даже полистал машинально несколько книг и журналов, пока Дун по-стариковски распространялся о старых друзьях и старых

недругах.

— Такую же ошибку, — говорил он, оживляясь, — сделал этот идиот Гросмарк. Вы помните Гросмарка? Видел я дутые величины, но такого...

— Вот теперь раздувают Куббита, — вставил Джадсон.

— Бывает, бывает, — не без раздражения сказал Дун. — Нет, Гросмарк буквально опозорился в древесной дискуссии! Он не ответил ни на один из моих тезисов. Брандерс был все-таки сильнее. Брандерс в свое время кое-что дал. Но Гросмарк — поистине дальше некуда!

Дун откинулся в кресле и благодушно захохотал.

— Спасибо, — сказал Джадсон. — Я вам очень признателен. Я знал, что очень много вынесу из нашего разговора.

— Ну, что вы, что вы, — сказал великий ученый, поднимаясь, и пожал ему руку. — Так, говорите, вы спорили с Уиндрашем? Он, кажется, пейзажист? Встречал его, встречал когда-то, но он меня вряд ли помнит... Способности есть, но чудак, чудак.

Доктор Джон Джадсон вышел от него, глубоко задумавшись. Он не собирался возвращаться к Уиндрашам, но все же почему-то шел к ним, а не к себе. Раньше, чем он это понял, он уже стоял перед их домом; и тут он увидел странные вещи.

Уже стемнело, взошла луна, и все цвета побледнели. Коттедж, построенный некогда в чистом поле, стоял теперь в ряду других домов и все же выделялся. Могло показаться, что он хмуро повернулся к улице спиной. Прямо за ним высились зубцы ограды, похожей на тюремную стену из балаганной пантомимы. Заточенная зелень виднелась только через узкие, решетчатые, вечно запертые ворота. Сейчас прохожий мог даже увидеть блики лунного света на листьях. Мог он увидеть и другое — и это «другое» сильно удивило прохожего по имени Джадсон.

Высокий худой человек лез по воротам, как по лестнице. Он выбирался из сада гибко, словно обезьяна, послужившая поводом для спора. Однако для обезьяны он был высоковат; а когда он влез на самый верх, две длинные пряди заколыхались на ветру, словно это был черт, который умеет шевелить рогами, как ушами. Многие сочли бы эту деталь самой странной и фантастической, но именно она вернула Джадсона на землю. Он слишком хорошо знал эти длинные, нелепые волосы. И действительно, Уилмот легко спрыгнул с решетки и приветливо (или снисходительно) поздоровался с врачом.

— Что вы тут делаете? — сердито спросил Джадсон.

— Ах, это вы, доктор! — фальшиво обрадовался Уилмот. — Что, хотите меня освидетельствовать? Я совсем забыл, что такими поступками

интересуются психиатры.

— По-моему, тут больше подходят полисмены, — сказал Джадсон. — Разрешите узнать, что вы делали в этом саду?

— Если не ошибаюсь, — отвечал Уилмот, — вы тут не хозяин. Но, честное слово, доктор, мне не до ссор. Уверяю вас, я вошел сюда по праву.

С этими словами он исчез во тьме; а доктор Джадсон резко повернулся и яростно позвонил в дверь садовладельца.

Уиндраша не было дома — он ушел на пышный литературный банкет. Но против обыкновения доктор повел себя так странно и грубо, что молодая хозяйка чуть было не сочла его пьяным, хотя это и не вязалось с его гигиеническим образом жизни. Он сел прямо напротив Энид с таким решительным видом, словно хотел сказать что-то важное, и не сказал ничего. Он курил, но не двигался, и Энид показалось, что он тлеет. Она не замечала раньше, какой у него большой и выпуклый лоб, как неумолимо ходят его чисто выбритые челюсти, как грозно светятся его темные глаза. И все-таки ей было смешно, что его широкие, сильные руки твердо лежат на ручке зонтика — эмблемы его трезвой, аккуратной жизни. Энид ждала, словно перед ней тикает и курится круглая черная бомба.

Наконец он хмуро сказал:

— Я хотел бы видеть дерево.

— Боюсь, что это невозможно, — сказала Энид.

— Чепуха, — резко сказал врач. — Что он сделает, если я влезу в сад?

— Вы уж простите, — мягко сказала она, — он вас больше не пустит в дом.

Джадсон вскочил, и Энид почувствовала, что сейчас будет взрыв.

— И все-таки он пускает в сад Уилмота. Вижу, у вашего соседа большие права.

Энид молча и удивленно смотрела на него:

— Пускает в сад Уилмота? — повторила она наконец.

— Слава Богу, — сказал врач, — хоть вы об этом не знаете. Уилмот сказал, что он там по праву, и я, конечно, подумал, что это вы егопустили. Может быть... Пойдите, пойдите... Я позже вам объясню... Ваш отец выгонит меня? Это еще как сказать!

Он вышел из гостиной так же резко, как вошел; и Энид подумала, что вряд ли его манеры сильно утешают больных.

Она поужинала одна, перебирая непростые мысли о странном молодом враче. Потом она вспомнила, что у ее отца совсем другие странности, и почему-то пошла в его студию, выходящую окнами в сад. Здесь висели полотна, из-за которых разгорелся тот спор. У нее самой был ясный и очень

здравый ум, и ей казалось, что спорить из-за таких картин так же бессмысленно, как обсуждать нравственную сторону турецкого ковра. Однако спор ее расстроил — отчасти потому, что огорчил отца; и она подошла к сплошному окну, отделявшему студию от запертого сада, и хмуρο вгляделась во мглу.

Сперва ее удивило, что ветра нет, а листья, освещенные луной, шевелятся. Потом она поняла, что в саду тихо и шевелятся только ветви безымянного дерева. На секунду ей стало страшно, как в детстве, — ей показалось, что оно умеет двигаться, словно зверь, или шевелить сучьями, словно гигантский веер. Вдруг его силуэт изменился, будто внезапно выросла новая ветка, и Энид увидела, что на дереве кто-то сидит. Он раскачивался, как обезьяна, потом спрыгнул, пошел к окну, и она поняла, что это человек. Непонятный ужас охватил ее — так бывает, когда лицо друга искажается в страшном сне. Джон Джадсон подошел к закрытому окну и заговорил, но она не услышала слов. Губы, беззвучно шевелящиеся у невидимой преграды, были ужасней всего, словно Джадсон стал немым, как рыба; и лицо его было бледным, как брюхо глубоководных рыб.

Энид быстро открыла окно. Но рассердиться она не успела — Джадсон крикнул:

— Ваш отец... Он, должно быть, сумасшедший!

Вдруг он замолчал, словно удивился собственным словам, провел рукой по крутому лбу, пригладил короткие волосы и сказал иначе:

— Он должен быть сумасшедшим.

Энид почувствовала, что эта фраза — другая, чем первая. Но не скоро, очень не скоро поняла она, в чем разница и что произошло между первой фразой и второй.

ДУОДИАПСИХОЗ

Энид Уиндраш была не чужда человеческих слабостей. Она умела сердиться по-всякому; но сейчас ее обуял гнев всех степеней и оттенков. Ее рассердило, что к ним зашли так поздно и при этом через окно; ее рассердило, что пренебрегли желаньями ее отца; ее рассердило, что она испугалась; ее рассердило, наконец, что бояться было нечего. Но, повторяем, она была не чужда человеческих слабостей, и больше всего ее рассердило, что неурочный гость не обращает на ее гнев ни малейшего внимания. Он сидел, упершись локтями в колени и сжав кулаками голову, и не скоро, очень не скоро бросил нетерпеливо:

— Вы что, не видите? Я думаю.

Тут он вскочил, как всегда, энергично, подбежал к одному из неоконченных полотен и устался на него. Потом осмотрел второе, третье, четвертое. Потом обернулся к Энид — лицо его внушало не больше бодрости, чем череп и кости, — и сказал:

— Ну, попросту говоря, у вашего отца дуодиапсихоз.

— Вы считаете, что это и значит «говорить попросту»? — поинтересовалась она.

Но он продолжал глухо и тихо:

— Это началось с древесного атавизма.

Ученым не следует говорить понятно. Последние два слова были ей знакомы

— как-никак, мы живем в эру популярной науки, — и она взвилась, как пламя.

— Вы смеете намекать, — закричала она, — что папа хочет жить на дереве, как обезьяна?

— Хорошего тут мало, — мрачно сказал он. — Но только эта гипотеза покрывает все факты. Почему он всегда стремился остаться с деревом один на один? Почему он патологически боялся города? Почему его фанатически тянуло к зелени? Какова природа импульса, приковавшего его к дереву с первого взгляда? Такая сильная тяга может идти только из глубин наследственности. Да, это тяга антропоида. Печальное, но весьма убедительное подтверждение теории Дуна.

— Что за бред! — крикнула Энид. — По-вашему, он раньше не видел деревьев?

— Вспомните, — отвечал он все так же глухо и мрачно, — вспомните,

что это за дерево. Оно просто создано, чтобы пробудить смутную память о прежнем обиталище людей. Сплошные ветви, даже корни — словно ветви: лезь, как по лестнице. Эти первые импульсы, так сказать, основные инстинкты, несложны; но, к несчастью, они развились в типичную получетверорукость.

— Раньше вы говорили другое, — недоверчиво сказала она.

— Да, — сказал он и вздрогнул. — В определенном смысле, это мое открытие.

— А вы так гордитесь, — сказала она, — своими гнусными открытиями, что вам ничего не стоит принести им в жертву кого угодно — папу, меня...

— Нет, не вас! — перебил ее Джадсон и снова вздрогнул, но овладел собой и продолжал с убийственной размеренностью лектора: — Комплекс антропоида влечет за собой стремление восстановить функцию всех четырех конечностей. Как мы знаем, ваш отец писал и рисовал обеими руками. На более поздней стадии, вполне возможно, он попытался бы писать ногами.

Они посмотрели друг на друга; и так чудовищна была эта беседа, что ни один не рассмеялся.

— В результате, — продолжал он, — возникает опасность разобщения функций. Равное пользование конечностями не соответствует данной фазе эволюции человека и может привести к тому, что полушария большого мозга утратят координацию. Такой больной невменяем и должен находиться под присмотром.

— Все равно не верю, — сердито сказала она.

Он поднял палец и мрачно показал на темные полотна, на которых получетверорукий гений запечатлел в огненных красках свои видения.

— Взгляните, — сказал он. — Мотив дерева, снова и снова. А дерево — это прямая, от которой в обе стороны вверх идут линии. Так и видишь, как обе руки действуют кистью враз. Однако дерево — не чертеж. Ветви эти разные. Вот тут-то и таится главная беда.

Воцарилось злое молчание. Джадсон прервал его сам и продолжал свою лекцию:

— Попытка добиться разных очертаний при одновременном действии обеих рук ведет к диссоциации единства и непрерывности сознания, ослабляет контроль больного над собой и координацию последова...

Молния догадки сверкнула во тьме ее смятенного ума.

— Это месть? — спросила она.

Он остановился на середине очередного длинного слова, и даже губы у

него побелели.

— Вы обманщик! — закричала она, трясаясь от гнева. — Вы шарлатан! Думаете, я не знаю, почему вы хотите доказать, что папа сумасшедший? Потому что я сказала, что он вас выгонит, а вы...

Белые губы дернулись, и Джадсон спросил:

— Почему же я так не хочу, чтобы он меня выгнал?

— Потому... — начала она и резко остановилась. В ней самой открылась пропасть, куда она не смела заглянуть.

— Да! — крикнул он и вскочил. — Да, вы правы! Это из-за вас Я не могу вас с ним оставить. Поверьте мне! Я повторяю: ваш отец должен быть сумасшедшим. — И добавил новым, звонким голосом: — Мне страшно, что вы умрете по его вине. Разве я смогу тогда жить?

— Если вы так беспокоитесь обо мне, — сказала Энид, — оставьте его в покое.

Каменное бесстрашие вернулось к нему, и он сказал глухо:

— Вы забываете, что я врач. Мой долг перед обществом...

— Теперь я точно знаю, что вы мерзавец, — сказала она. — У них всегда долг перед обществом.

Наступило молчание, и они услышали те единственные звуки, которые могли положить конец их поединку. По легким, не совсем твердым шагам и голосу, напевающему застольную песню, Энид сразу поняла, кто пришел. А через несколько секунд ее отец, праздничный и даже великолепный в своем вечернем костюме, уже стоял на пороге комнаты. Он был высок и красив, хоть немолод, и мрачный доктор выглядел рядом с ним не только невзрачным, но и неотесанным. Поэт обвел комнату взглядом, увидел открытое окно, и праздничное довольство слетело с его лица.

— Я был у вас в саду, — мягко сказал врач.

— Что ж, будьте добры покинуть мой дом, — сказал поэт.

Он побледнел — от гнева, по иной ли причине, — но говорил ясно и твердо.

— Нет, — сказал Джадсон, — это вы его покинете. — И кончил с непонятной жестокостью: — Я сделаю все, чтобы вас признали сумасшедшим.

Он выскочил из комнаты, а старый поэт повернулся к дочери. Та смотрела на него широко открытыми глазами; но лицо у нее было такого странного цвета, что он испугался на секунду, не умерла ли она.

Энид никогда не удавалось вспомнить всего, что случилось в страшные тридцать шесть часов, отделявшие угрозу от беды. Лучше всего

она помнила, как в темноте, а может, на рассвете, в самый длинный час своей бессонной ночи, она стояла в дверях и смотрела на улицу, словно ждала, что соседи спасут ее, как спасают от огня. Именно тогда ее охватил холод, более жестокий, чем пламя: она поняла, что в такой беде от соседей не дождешься помощи и ничем не переборешь современной слепой тирании. У фонаря перед соседним домом стоял полисмен, и она чуть не позвала его, словно ей грозил взломщик, но тут же поняла, что с таким же успехом может звать к фонарю. Если двум врачам заблагорассудится признать ее отца сумасшедшим, весь свет будет с ними, включая полицию. Вдруг она осознала, что раньше здесь полисмена не было. И тут ее сосед, мистер Уилмот, вышел из дому с легким чемоданом в руке.

Ей захотелось с ним посоветоваться — наверное, в тот час она посоветовалась бы с кем угодно. Она кинулась к нему и попросила уделить ей минутку. Он, кажется, торопился, но вежливо кивнул и вернулся с ней в дом. Входя, она почему-то смутилась. Кроме того, знакомое лицо и манеры мистера Уилмота стали какими-то другими. Он был в роговых очках, но взгляд его стал зорче. Одет он был так же, но выглядел как-то подтянуто и двигался ловчее.

От смущения и растерянности она заговорила так, словно все это случилось не с ней. Она спросила, не посоветует ли он, как быть ее знакомому, у которого нашли дуодиапсихоз. Не скажет ли он, есть ли такая болезнь? Ведь он много знает!

Он выслушал ее и согласился, что кое-что действительно знает. Он спешил, явно спешил куда-то, и все же быстро проглядел толстый справочник. Нет, сказал он, ему не кажется, что есть такая болезнь.

— Я подозреваю, — закончил он, серьезно глядя на нее сквозь очки, — что вашего знакомого надул шарлатан.

Сомнения ее подтвердились, и она пошла домой. Он вышел с ней, не скрывая нетерпения. Полисмен поздоровался с ним; в этом не было ничего странного — полисмены здоровались и с ее отцом, и с другими здешними жителями. Но Энид удивило, что сам он, проходя, бросил полисмену:

— До моей телеграммы — все по-прежнему.

Подойдя к своему дому, она поняла, что случилось самое худшее. У калитки стояло черное такси, и она чуть ли не с завистью подумала о похоронах. Если бы она знала, кто в такси, она бы тут же устроила скандал. Но она не знала, и вошла в дом, и увидела, что по обе стороны стола сидят два доктора в черном. Один из них — статный и среброволосый, в элегантном пальто — уже поднес перо к бумаге. Другой был гнусный Джон Джадсон.

Она остановилась у дверей и услышала конец их беседы.

— Мы с вами, конечно, знаем, — говорил Джадсон, — насколько вертикальное деление важнее прежнего, горизонтального, различавшего сознание и подсознание. Но профаны вряд ли слышали об этом.

— Вот именно, — ровно и мягко промолвил Дун.

Он говорил на удивление мягко и старался как мог утешить Энид.

— Скажу одно, — говорил он. — Все, что может смягчить удар, будет сделано. Не стану скрывать — ваш отец уже в машине, под опекой в высшей степени гуманных служителей. Все это ужасно, дитя мое, но, быть может, мы сплотимся особенно тесно, когда нас постигла...

— Ладно, подписывайте скорей! — грубо прервал его Джадсон.

— Молчите, сэр! — достойно и гневно ответил Дун. — У вас не хватает гуманности, чтобы разговаривать с людьми, которых постигла беда. Но мне, к счастью, не раз доводилось это делать. Мисс Уиндраш, я глубоко скорблю...

Он протянул руку. Энид растерянно взглянула на него и отступила назад. Ей стало страшно — так страшно, что она обернулась к Джадсону.

— Выгоните его! — закричала она пронзительно, как истеричка. — Он еще ужасней, чем...

— Ужасней, чем... — повторил Джадсон.

— Чем вы, — закончила она.

— Подписали вы или нет? — нетерпеливо крикнул Джадсон.

Дун подписал, как только от него отвернулись; и Джадсон, схватив бумагу, выбежал из дому.

Сбегая по ступенькам, он подпрыгнул, как школьник, вырвавшийся из школы, или как человек, добившийся своего. А Энид почувствовала, что могла бы простить ему все, кроме этого прыжка.

Позже — Энид не знала, сколько прошло времени, — она сидела у окна и смотрела на улицу. Горе ее достигло той степени, когда кажется: хуже быть не может. Но это было не так. Двое в форме и один в штатском поднялись по ступенькам, извинились и предъявили ордер на арест Уолтера Уиндраша по обвинению в убийстве.

ТАЙНА ДЕРЕВА

Побуждения простых душ тоньше, чем побуждения сложных. Те, кто не копается в себе, способны почувствовать вдруг что-нибудь совсем неожиданное и непонятное. Энид была по-настоящему простодушной и никогда до тех пор не попадала в такой водоворот мыслей и чувств. И когда на нее свалился последний удар, она почувствовала: с такой сложной бедой ей не справиться, надо найти друга.

Она вышла из дому и пошла искать друга. Она пошла за шарлатаном, обманщиком, отвратительным лицемером и поймала его, когда он входил в дверь с медной дощечкой. Что-то подсказало ей, что он — на ее стороне и сможет все, если захочет. И, остановив отрицательного героя своей повести, она заговорила с ним просто, как с братом.

— Зайдите к нам на минутку, — сказала она. — Случилось еще одно несчастье, и я совсем запуталась.

Он быстро обернулся и взгляделся в улицу.

— А! — сказал он. — Значит, уже пришли.

— Вы знали, что они придут? — крикнула она и вдруг, словно вспыхнул свет, увидела все сразу. Вероятно, это было что-то странное, потому что она сказала удивленно и не совсем уверенно: — Ох, какой же вы плохой!

— Я средний, — отвечал он. — Да, я знаю, это называют преступлением. Но что же еще я мог сделать? Оставалось мало времени.

Она глубоко вздохнула. Смутно, как вдалеке, встало перед ней воспоминание, и она его поняла.

— Да, — сказала она. — Это совсем как тогда... Ну, когда вы спасли его от машины.

— Боюсь, я слишком горяч, — сказал он. — Чуть что, кидаюсь на человека.

— И тогда, и теперь, — отвечала она, — вы кинулись в самое время.

Она вошла одна в его дом. Страх громоздился на страх в ее несложной душе — она представляла отца то обезьяной, то маньяком, то убийцей. Но в самом уголке притаилась радость, потому что ее друг оказался не плохим, а средним.

Через десять минут, когда инспектор Брэндон, рыжий, медлительный и быстроглазый, вошел в гостиную Уиндрашей, его встретил квадратный молодой врач с непроницаемой улыбкой. Те, кто видел Джадсона в часы

недавних треволнений, не узнали бы его в сдержанном друге дома, безмятежно глядевшем на пришельца.

— Я уверен, инспектор, — вежливо начал он, — что вы, как и я, хотите оградить от потрясений несчастную дочь Уиндраша. И отец, и она — мои пациенты, я отвечаю за ее состояние. Но, конечно, я сознаю мою гражданскую ответственность и, поверьте, не помешаю вам выполнять ваш долг. Надеюсь, вы вправе объяснить мне в общих чертах суть вашего дела.

— Что ж, сэр, — сказал инспектор, — в таких делах даже как-то легче, если можешь поделиться с кем-нибудь. Конечно, сами понимаете, говорить будем прямо, без обиняков.

— Я готов говорить прямо, — сдержанно ответил врач. — Насколько мне известно, у вас есть ордер на арест Уиндраша.

Инспектор кивнул.

— По обвинению в убийстве Морса, — сказал он. — Вы не знаете, где сейчас Уиндраш?

— Знаю, — сказал Джадсон. — Если хотите, я вас к нему отведу.

— Это не прятки и не кошки-мышки, — сказал инспектор. — Если он убежит, ответственность падет на вас.

— Он не убежит, — сказал Джадсон.

Оба помолчали. За дверью послышались легкие шаги, и юный почтальон, взбежав по ступенькам, вручил инспектору телеграмму. Тот прочел, удивленно нахмурился и поднял глаза на собеседника.

— Можно сказать, кстати, — улыбнулся он. — Дает нам право тут задержаться, если вы отвечаете за свои слова.

Он протянул телеграмму, и доктор жадно пробежал ее. Там было написано:

«Не предпринимайте ничего У. У. моего приезда. Буду полчаса. Харрингтон».

— Это от начальника, — сказал инспектор. — Он у нас главный. Да и во всем мире он, можно сказать, главный сыщик.

— Так, — сухо сказал доктор. — Не жил ли он случайно тут, по соседству, под именем Уилмот?

— Вижу, вам кое-что известно, — снова улыбнулся Брэндон.

— Понимаете, — сказал Джадсон, — ваш начальник вел себя как вор, я и подумал, что он сыщик. Он сказал, что влез в сад по праву. Хозяева ему такого права не давали, и я понял, что он имеет в виду закон.

— Он зря не скажет, вы уж поверьте, — сказал инспектор. — В конечном счете он почти ни разу не ошибся. А в этом деле он нашел именно то, что думал.

— Он нашел, — сказал доктор, — человеческий скелет, засунутый в дупло дерева, с насильственным повреждением затылка, нанесенным левой рукой.

Брэндон удивленно посмотрел на него.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

— Я сам это нашел, — ответил Джадсон. Он помолчал, потом прибавил: — Да, инспектор, мне действительно кое-что известно по этому делу. Как я уже говорил, я могу отвести вас к Уиндрашу. Однако услуга за услугу. Не расскажете ли вы мне эту историю? Или, может быть, лучше сказать, эту теорию?

Лицо у Брэндона было не только приятное и добродушное — оно становилось умным, когда лак официальной солидности сходил с него. Инспектор пристально посмотрел на доктора и сказал, улыбаясь:

— Вы, наверное, из сыщиков-любителей, которые читают, а то и пишут детективные рассказы. Что ж, спорить не буду, дело похоже на такой рассказ.

— Он сделал паузу. — С нашей точки зрения, самое трудное — спрятать тело. Думаю, эта трудность многим сохранила жизнь. Мертвый враг опасней живого. Чего только не пробовали: и расчленяли тело, и растворяли, и сжигали в печи, и заливали бетоном. Но тут придумано лучше, сразу видно — гений.

Тридцать с лишним лет назад жил в Лондоне некто Морс, посредник в денежных делах. Думаю, вы знаете, что это такое. Прямо скажем, он давал деньги в рост и расцвел, как говорится, пышным цветом. Плохой был человек. Процветал он, процветал за чужой счет, и, что греха таить, не очень его любили те, кто не слишком процветал. Среди них были два студента. Один — обыкновенный медик по фамилии Дувин. А другой учился всяким искусствам, и звали его Уиндраш.

Однажды этот Морс допустил большую оплошность. Он отослал шофера домой и пошел пешком к местной гостинице — у него тут были дела с этими самыми студентами. И туда, и обратно они проходили пустынной местностью, где росло только одно дерево. Что тут сделает рядовой, бездарный убийца? Убьет, когда третий не видит, а потом будет ковыряться в земле, чтобы зарыть труп. Или попытается увезти его, хотя любой гостиничный лакей может его накрыть. Но человек талантливый поступит иначе! Уиндраш додумался до абсолютно нового способа. Вроде бы нелепо, а хватило на тридцать лет. Он заявил, что с ходу влюбился в это место и хочет его купить. Так он и сделал — купил, и жил тут, и скрыл свое преступление. Понимаете, когда медик ушел вперед, к дороге, он нанес

Морсу удар и бросил тело в дупло. Место было тогда пустынное, и никто их не видел. Но вечером, накануне, один прохожий заметил, что Уиндраш сидит и смотрит на дерево, явно обдумывая свой план. Любопытная деталь: прохожему показалось, что он похож на Каина, а лужи в красном свете заката похожи на кровь.

Потом все пошло как по маслу. Он притворился ненормальным и избежал подозрения в убийстве. Дерево он посадил в клетку, как дикого зверя, и никто не увидел в этом ничего, кроме дурацкой причуды. Заметьте, он изолировал дерево все строже и строже. В последние годы он выгонял из дому всех, кто хотел на него посмотреть. Всех, кроме Харрингтона и, по-видимому, вас.

— Я полагаю, — сказал Джадсон, — что Харрингтон, или Уилмот, или как вы его еще зовете, сообщил вам, что Уиндраш левша, точнее — и левша, и правша одновременно.

— Конечно, — ответил инспектор. — Ну, доктор, я вашу просьбу выполнил. Может, вы знаете что-нибудь еще? Не обессудьте, напомню — теперь ваша очередь. Это серьезное дело, речь идет о жизни и смерти.

— Нет, — медленно сказал Джадсон. — Не о смерти. — Инспектор удивленно воззрился на него, и он прибавил: — Вы не повесите Уолтера Уиндраша.

— Что вы имеете в виду? — спросил инспектор новым, резким тоном.

— Дело в том, — отвечал доктор, любезно улыбаясь, — что Уиндраш сидит в сумасшедшем доме. Он признан неменяемым по всей форме, — продолжал он так спокойно, словно все это случилось сто лет назад, — Дун и я освидетельствовали его и обнаружили симптомы дуодиапсихоза и некоторую переразвитость левой руки.

Ошеломленный инспектор не отрывал взгляда от мило улыбающегося врача, а тот направился к выходу. Но в дверях стоял человек, и доктор снова увидел длинноватые волосы и длинное, ехидное лицо того, кто так раздражал его под именем Уилмота.

— Вот и я, — сказал Уилмот, он же Харрингтон, и широко улыбнулся. — Кажется, вовремя.

Инспектор вскочил и спросил:

— Что-нибудь не так?

— Нет, — отвечал сыщик, — все так, только убийца не тот.

Он удобно уселся в кресло и улыбнулся инспектору; но, обернувшись к доктору, стал серьезен и деловит.

— Доктор, — начал он, — вы человек науки и понимаете, что такое гипотеза. Вам приходилось, наверное, создавать очень разработанную,

очень связную и убедительную концепцию.

— Бывало, — угрюмо улыбнулся Джадсон. — Что-что, а такую концепцию мне довелось создать.

— И тем не менее, — серьезно продолжал сыщик, — вы, как настоящий ученый, допускали — пусть с чрезвычайно малой вероятностью, — что ваша концепция может оказаться неверной.

— И это бывало, — сказал Джадсон, улыбаясь еще угрюмей.

— Ну вот. Каюсь, моя концепция неожиданно рухнула, — сказал сыщик и улыбнулся еще приятней. — Инспектор не виноват. Это я выдумал поэта-преступника и его гениальный план. Не мне говорить, конечно, но — великолепная мысль! Не придерешься. Одно плохо: на самом деле все было не так. Да, нет на свете совершенства...

— Почему же не так? — спросил Брэндон.

— Потому, — отвечал его шеф, — что я обнаружил убийцу.

Его собеседники молчали, а он продолжал мечтательно, словно рассуждал на отвлеченные темы:

— Наше гениальное, смелое убийство, как многие шедевры, слишком прекрасно для этого мира. Быть может, в раю или в утопии убивают так талантливо. Но тут, у нас, все делается проще. Я занялся вторым студентом, Брэндон. Конечно, вы знаете о нем еще меньше, чем о первом.

— Простите, — обиделся инспектор, — мы проследили дальнейшие действия всех, кто замешан в этом деле. Он уехал в Лондон, потом в Нью-Йорк, а оттуда в Аргентину. Дальше его следы теряются.

— Вот именно, — сказал Харрингтон. — Он сделал именно ту необходимую, скучную вещь, которую делают преступники. Он удрал.

Кажется, только теперь к Джадсону вернулся дар речи.

— Вы совершенно уверены, — спросил он, — что Уиндраш невиновен?

— Совершенно, — серьезно ответил сыщик. — Это не гипотеза, а факт. Сошлись десятки деталей. Я приведу вам несколько на выбор. Удар нанесен очень редким хирургическим инструментом. Место выбрано исключительно точно — так не выберешь без специальных знаний. Человек по имени Дувин, несомненно, был в тот день с убитым. Мотивы у него посильней, чем у поэта, — он тогда завяз в долгах. Наконец, он — медик, искусный хирург. Кроме того, он левша.

— Если вы уверены, сэр, дело кончено, — не без грусти сказал инспектор.

— Правда, доктор мне объяснил, что Уиндраш тоже левша. Это входит в его болезнь, как она там называется...

— Согласитесь, — сказал Харрингтон, — что я никогда не был твердо уверен в виновности Уиндраша. А сейчас я убежден в его невиновности.

— Доктор Джадсон говорит... — начал инспектор.

— Доктор Джадсон говорит, — сказал доктор Джадсон и вскочил, как на пружинах, — что все его слова за последние двое суток — чистое вранье. Уолтер Уиндраш не безумней нас с вами. Прошу вас, сообщите всем, что знаменитый древесный атавизм — зверская чушь, ею и ребенка не купишь. Дуодиапсихоз! Ну, знаете! — и он трубно, вызывающе фыркнул.

— Все это очень странно, — сказал инспектор.

— Еще бы, — сказал врач. — Мы все, кажется, наделали глупостей от лишнего ума, но я — на первом месте. Надо немедленно его вытащить! Мисс Уиндраш и так совсем измучилась. Я сейчас напишу, что он выздоровел, или что я ошибся, или еще что-нибудь.

— Насколько я понял, — серьезно сказал сыщик, — такой авторитет, как Дун, тоже подписал заключение.

— Дун! — закричал Джадсон, и голос его зазвенел неопишным презрением.

— Дун подпишет что угодно. Дун скажет что хотите. Дун давно выжил из ума. Он написал одну книгу, когда я ходил в школу, о ней растрезвонили, и с тех пор он не прочитал ни строчки. Я видел у него кипы книг — все не разрезаны. Его болтовня о доисторическом человеке допотопней мамонта. Да ни один ученый теперь не верит в его древесных людей! Господи, Дун! Это мне было раз плюнуть. Польстил ему, приплел его теорию и стал говорить непонятно — спросить он не смел. Очень интересный метод. Поновей психоанализа.

— Тем не менее, — сказал Харрингтон, — Дун подписал ту бумагу, и теперь не обойтись без его подписи.

— А, ладно! — крикнул пылкий Джадсон, строя что-то на листке. — Уломаю как-нибудь.

— Я бы хотел с вами пойти, — сказал сыщик.

Едва поспевая за нетерпеливым врачом, они довольно быстро добрались до величественного дома, где уже побывал наш герой, и не без интереса послушали беседу с величественным хозяином. Теперь, войдя в курс дела, они смогли оценить уклончивость прославленного ученого и напористость еще не прославленного. По-видимому, Дун решил, что умнее согласиться. Он небрежно взял вечное перо и подписал бумагу левой рукой.

ЭПИЛОГ В САДУ

Две недели спустя Уолтер Уиндраш гулял в своем любимом саду, улыбаясь и покуривая, словно ничего не случилось. В этом и состояла тайна Уиндраша, которая была не под силу ни врачам, ни законникам. Эту загадку не разгадал бы ни один сыщик.

Старого поэта выставили чудищем перед самым близким человеком. Его дочери доказывали, что он обезьяна и маньяк, а позже — что он безжалостный убийца, построивший всю свою жизнь на сокрытом злодеянии. Он прошел через все гнуснейшие муки и ждал еще более гнусных. Он узнал, что его частный рай

— место преступления, а друг способен поверить в его виновность. Он побывал в сумасшедшем доме. Он чуть не угодил на виселицу. Но все это, вместе взятое, значило для него много меньше, чем форма и цвет огромного утреннего облака, выплывавшего на востоке, и внезапный щебет птиц в ветвях многострадального дерева. Одни сказали бы, что его душа мелка для таких трагедий; другие, видевшие зорче, сказали бы, что слишком глубока. Быть может, инспектор Брэндон все же не совсем разобрался в чудовище, именуемом гением.

Но недолго он гулял один: вскоре к нему присоединился его друг, молодой врач, весьма смущенный и хмурый.

— Вот что, — сказал доктор Джадсон, еще не утративший мрачной прямоты.

— Конечно, мне есть чего стыдиться в этом деле. Но, честное слово, не понимаю, как вы можете тут гулять.

— Милый мой друг, и это вы — холодный человек науки! — беспечно ответил Уиндраш. — Вы просто погрязли в предрассудках! Вы прозябаете в средневековой тьме! Я — только бедный, непрактичный мечтатель, но, поверьте, я вижу дневной свет. Да я и не терял его даже в том уютном санатории, куда вы меня послали. Мне там было хорошо. А сумасшедшие... Что ж, я пришел к выводу, что они нормальней, чем мои друзья на воле.

— Не стоит это все беречь, — угрюмо сказал Джадсон. — Чего не было, того не было — сумасшедшим я вас не считал. А вот убийцей считал, вы уж простите. Но убийца убийце рознь. Мало ли какие были у вас смягчающие обстоятельства! Честно говоря, все, что я с тех пор узнал о покойном мистере Морсе, подсказывает мне, что он — не такая уж большая

потеря. Я понял, что Уилмот — сыщик и шныряет у дерева, а это значит, что вас вот-вот схватят. Пришлось и мне действовать быстро, я вообще долго не раздумываю. Установить невменяемость после ареста всегда нелегко, особенно если подсудимый нормален. Но если установить ее раньше, его и арестовать нельзя. Надо было в пять минут выдумать болезнь. Я соорудил ее из обломков наших ученых бесед. Понимаете, я чувствовал, на что Дун клюнет, и потом — это очень хорошо увязывалось с деревом. Но даже сейчас мне противно вспоминать всю эту гадость, хотя я сам ее выдумал. Что же чувствуешь, когда вспоминаешь о гадости невыдуманной?

— Да, — весело сказал поэт, — что вы тогда чувствуете?

— Я чувствую, — ответил Джадсон, — что от этого места надо бежать как от чумы.

— Птицы садятся на дерево, — сказал Уиндраш, — как на плечо святого Франциска.

Наступило молчание; потом Джадсон сказал все так же угрюмо:

— Знаете, просто непонятно, как вы тридцать лет жили около дерева и не нашли, что там внутри. Конечно, скелет обнажился очень быстро — ручей уносил разложившиеся ткани. Но вы ведь, наверное, встряхнули дерево хоть раз?

Уолтер Уиндраш прямо посмотрел на него ясными, стеклянными глазами.

— Я к нему не прикасался, — сказал он. — Я ни разу не подошел к нему ближе, чем на пять шагов.

Врач не ответил; и поэт продолжал:

— Вот вы говорите об эволюции, о развитии человека. Вы, ученые, выше нас, и вам не до легенд. Вы не верите в райский сад Вы не верите в Адама и Еву. А главное — вы не верите в запретное дерево.

Врач полушутливо кивнул, но поэт продолжал, глядя на него все так же серьезно и пристально:

— А я скажу вам: всегда сохраняйте в саду такое дерево. В жизни должно быть что-то, к чему мы не смеем прикоснуться. Вот секрет вечной молодости и радости. Но вы трясете дерево познания, заглядываете в него, срываете его плоды — и что же выходит?

— Не такие уж плохие вещи, — твердо ответил врач.

— Мой друг, — сказал поэт. — Вы как-то спросили меня, какая польза от дерева. Я ответил, что я не хочу от него пользы. Разве я ошибся? Оно давало мне только радость, потому что не приносило выгоды. Какие же плоды оно принесло тем, кто захотел плодов? Оно принесло пользу Дувину,

или Дуну, или как он там зовется, — и что же сорвал он, как не смерть и грех? Оно принесло ему убийство и самоубийство, — сегодня мне сказали, что он принял яд и оставил посмертное признание. Принесло оно пользу и Уилмоту; но что сорвали они с Брэндоном, как не жуткий долг — отправить ближнего на смерть? Оно принесло пользу вам, когда вам понадобилось запереть меня навсегда и принести горе моей дочери. Ваша выдумка была дурным сном, который еще преследует вас. Но я, повторяю, не ждал от дерева пользы, и вот — для меня светит день.

Он еще говорил, когда Джадсон поднял голову и увидел, что Энид, вынырнув из тени дома, идет по освещенной солнцем траве. Лицо ее светилось, волосы сияли пламенем, и казалось, что она вышла из аллегорической картины, изображающей зарю. Она шла быстро, но ее движения были и плавными и сильными, словно изгиб водопада. Вероятно, старый поэт почувствовал, как соответствует она почти космическому размаху их беседы, и беспечно сказал:

— Знаешь, Энид, я опять тут расхвастался, сравнил наш садик с Эдемом. Но на этого несчастного материалиста просто время тратить жаль. Он не верит в Адама и Еву.

Молодой врач не ответил. Он был занят — он смотрел.

— Я не знаю, есть ли тут змий, — сказала она, смеясь.

— Только поймите меня правильно, — задумчиво сказал Уиндраш. — Я не против развития, если ты развиваешься тихо, прилично, без этой суматохи. Ничего нет плохого в том, что мы когда-то лазали по деревьям. Но мне кажется, даже у обезьяны хватит ума оставить одно дерево запретным. Эволюция

— это ведь просто... А, черт, сигарета кончилась! Пойду покурю теперь в библиотеке.

— Почему вы сказали «теперь»? — спросил Джадсон.

Он уже отошел на несколько шагов, и они не услышали ответа:

— Потому что это — рай.

Сперва они молчали. Потом Джон Джадсон сказал очень серьезно:

— В одном отношении ваш отец недооценивает мою правоверность.

Он улыбнулся еще серьезней, когда Энид спросила, что он имеет в виду.

— Я верю в Адама и Еву, — ответил ученый и взял ее за руки.

Не отнимая рук, она смотрела на него очень спокойно и пристально. Только взгляд у нее стал другим.

— Я верю в Адама, — сказала она, — хотя когда-то думала, что он и есть змий.

— Я вас змием не считал, — сказал он медленно, почти напевно. — Я думал, вы — ангел с пламенным мечом.

— Я отбросила меч, — сказала Энид.

— Остался ангел, — сказал он.

А она поправила:

— Осталась женщина.

На ветке некогда поруганного дерева запела птица, и в тот же миг утренний ветер ринулся в сад, согнул кусты, и, как всегда бывает, когда ветер налетит на залитую солнцем зелень, свет сверкающей волной покатился перед ним. А Энид и Джону показалось, что лопнула какая-то нить, последняя связь с тьмой и хаосом, мешающими творенью, и они стоят в густой траве на заре мира.

Примечания

Свет белеет меж его корней, как в Мильтоновой поэме. — «Потерянный рай», кн. IV.

...как мертвые на трубный глас. — Откр., 20, 12 — 13.

...но в сад никого не пускал. — Двойная аллюзия: на героя сказки О. Уайльда «Жадный великан», не пускавшего детей в сад, и на изгнание Адама из райского сада. Быт., 3, 24.

Поновой психоанализа. — Честертону были глубоко противны фрейдистские попытки биологизировать человеческую душу. См. его эссе «Гамлет и психоанализ» (сб. «Пристрастие — не причуда»).

Птицы садятся на дерево... как на плечо святого Франциска.

— Проповедь св. Франциска птицам описана в книге Честертонна «Св. Франциск Ассизский» (гл. «Маленький нищий человек»).

...оставить одно дерево запретным. — Быт., 3, 2 — 7.

Ангел с пламенным мечом — ангел, охраняющий древо познания: «И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни». Быт., 3, 24.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)